

UDK: 327(47):321.013(497.1)"199"
327:323.1](47)"199"
Izvorni znanstveni rad
Primitljeno: 08. 04. 2005.
Prihvaćeno: 25. 10. 2005.

СЕРГЕЙ РОМАНЕНКО

Институт экономики РАН

(филиал – Международные экономические и политические исследования)

persik11@mtu-net.ru

«Что в имени тебе моем?» Независимая Россия и распад Югославии

РЕЗЮМЕ

Формирование русского этнического и российского национального (само)сознания в целом и в области внешней политики в частности в 1990-е годы было противоречивым процессом. Анализируя идейные и психологические основы внешней политики Российской Федерации в первый период ее существования как независимого суверенного государства, автор показывает, с одной стороны, ее связь с внутривнутриполитической борьбой в стране, с другой – связь традиционной составляющей российского и советского сознания – «славянской идеологией» с процессом национального (в гражданском и этническом смысле) самоопределения, ее метаниями между традиционным «особым путем развития» и «подражанием Европе». «Славянский вопрос» в 19–20 вв. был неотъемлемым компонентом концепции «особого пути развития России», который в конце 20 в. стали использовать и российские коммунисты для «восстановления великого Советского Союза». С другой стороны, русские националисты унаследовали мифологию сталинского периода «холодной войны». Российским либералам-реформаторам не удалось предложить новую теоретически обоснованную концепцию внешней политики и последовательно ее реализовать. Оценка событий на постюгославском пространстве как реформаторскими, так и антиреформаторскими силами – коммунистами и националистами и предлагавшиеся ими конкретные решения и внешнеполитические шаги, во многом основывалась не на реальном знании, а на мифах, этнических и политических стереотипах, предрассудках и иллюзиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Российская Федерация, Югославия, внешняя политика, национальное (само)сознание, миф, славянская идея

«Отречемся от старого мира»?

Внешняя политика независимой Российской Федерации, официально ведущая свой отчет с декабря 1991 г., была внутренне противоречива. Это было результатом борьбы различных группировок внутри самой России, каждая из которых имела свои интересы и идеологию, свою «модель» самоопределения новой России в изменившемся мире. Вначале появилась реальная возможность преодолеть наследие прошлого, накопившееся со времен как Российской империи, так и Со-

ветского Союза и выработать новый перспективный стратегический курс. Этого требовали изменившиеся реалии. Однако в силу социально-политической инерции, сопротивления сил прошлого и личностно-субъективных факторов этого сделано не было: новая эффективная концепция внешней политики посткоммунистической России, направленная на вхождение в мировое сообщество демократических так и не состоялась. Политика, приносимая в жертву внутривластной борьбе, носила в основном «реактивный» и запаздывающий характер. Эти общие недостатки, а также внутренняя борьба между различными группировками внутри правящего класса, включая и непосредственное окружение первого президента РСФСР Бориса Ельцина¹ проявляли себя на протяжении всех десяти последующих лет и в подходах к проблеме распада СФРЮ, происходившего военным путем, который превратился в одну из ключевых проблем мировой политики и взаимоотношений России с США и странами Западной Европы.

Дебют российской политики и будущего первого президента независимой России Б.Н. Ельцина на «югославской сцене» состоялся 28 июня 1991 г. В тот день было опубликовано заявление Верховного Совета (ВС) РСФСР, в котором «выражалась озабоченность развитием событий в дружественной Югославии и глубокое сожаление, что *гражданский* (выделено мной – С.Р.) конфликт (эта характеристика совпадала с приведенной в предыдущей главе более поздней оценкой Кремля и МИД СССР – С.Р.) привел к человеческим жертвам».

Однако в отличие от МИД СССР, Верховный совет (ВС) РСФСР тогда не стал проявлять симпатий и антипатий. Имея в виду не только и не столько Югославию, сколько судьбу СССР и свою собственную политическую судьбу, депутаты во главе с Б.Н. Ельциным подчеркнули необходимость «решения возникших проблем на основе переговоров, не прибегая к использованию силы» (*Югославский кризис и Россия*, 1993: 57). В стремлении Словении и Хорватии добиться полного политического самоопределения и суверенитета, руководство России видело подтверждение антицентралистских и дезинтеграционных тенденций на пространстве СССР.

Тем не менее, до распада СССР Россия практически не могла и не принимала самостоятельного от союзных структур участия в попытках урегулирования конфликта. Вероятно, встреча Бориса Ельцина с Франьо Туджманом и Слободаном Милошевичем, прибывшими в Москву по приглашению Михаила Горбачева в октябре 1991 г., была одной из первых, рассчитанных на перспективу, попыток собственной игры не только на «югославском», но и на международном поле (Томас, 1993: 449).

Выступая на заседании ВС РФ по югославскому вопросу 26 июня 1992 министр иностранных дел РФ Андрей Козырев вспоминал: «Борис Николаевич встречался еще в рамках бывшего союза с президентами Сербии и Хорватии, побуждая их к мирному решению возникшего между ними конфликта. Вместе с мировым сообществом Россия еще в рамках бывшего Союза делала все, чтобы сохранить

¹ Избран 12 июня 1991 г. Новое название – Российская Федерация (Россия) было утверждено ВС РСФСР 25 декабря 1991 г.

Югославскую федерацию, а потом обеспечить ее мирное разъединение в результате этих референдумов. В этом мы действовали более или менее синхронно с ЕС. На протяжении всего этого кризиса было довольно сильным отличие нашей позиции от позиции США. Американцы сначала поддерживали единство Югославии и не признали ни одну из республик, и в этом опоздали по отношению ко всем остальным государствам мира. Это была их особая линия. Затем они резко перешли на другую позицию. И стали осуждать только Сербию и Черногорию за то кровопролитие, которое развернулось в последнее время в БиГ, хотя на территории Хорватии также сохраняются некоторые очаги конфликтов» (*Югославский кризис и Россия*, 1993: 84–85).

«В конце 1991 и начале 1992 г. российская дипломатия еще выступала за сохранение Югославии, однако не предпринимала никаких самостоятельных (от своих внешнеполитических партнеров – С.Р.) шагов и лишь воздавала должное усилиями международных организаций», – утверждает в своих воспоминаниях бывший в 1992–1996 гг. сотрудником группы «спичрайтеров» Б.Н. Ельцина Константин Никифоров (Никифоров, 1999: 25).

Признав 17 февраля 1992 г. независимость Хорватии и Словении даже раньше США, а 11 апреля – Боснии и Герцеговины, новая Россия получила, казалось, как преемница СССР и, отчасти, дореволюционной России, как крупнейшее славянское государство возможности для успешного посредничества. Эти возможности, однако, оказались упущенными. С одной стороны, исполнительная власть поддерживала не всегда продуманные и дальновидные решения международного сообщества. С другой стороны, она вынуждена была идти на все большие уступки национал-коммунистической оппозиции, превратившей в свой оплот сначала Верховный Совет, а затем – и Государственную Думу и предлагавшей планы, и вовсе далекие от реальности. На протяжении 90-х годов существовали весьма значительные различия между МИД и Думой в отношении политики России на Балканах.

«Провозглашенная российская *Realpolitik*, – иначе говоря, геополитический курс великой державы – на поверку оказывается безосновательной, – полагал заместитель директора Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин. – Интересно, однако, что она совершенно не тождественна той реальной политике, которую вынуждено проводить российское руководство». ² С другой стороны, «наша 'политическая элита' хронически страдает расщеплением сознания, потерей самоидентификации, – считал известный российский политолог Андрей Пионтковский. – Её реакция на события в Косово показала, что её интересовали не сербы, не албанцы, а исключительно её, 'элиты', статусная роль в мировой политике». ³

Эту же двойственность и «расщепленность» российского политического сознания отметил и отечественный психолог Игорь Киселев. «Мы являемся свидетелями не только раскола гражданской и этнической идентичности, но и 'расщепления' идентификационных моделей двух поколений. Нация освобождается

² *Независимое военное обозрение*, 01–07. 10. 1999.

³ *Новая газета*, 20–27. 06. 1999.

от стереотипных идей во внутренней и внешней политике», – писал он. К негативным последствиям «доминирования этнической идентичности» ученый относил «нарциссизм малых различий, этнические конфликты, центробежные тенденции во внутренней политике, регресс в международных отношениях; доминирование гражданской идентичности в идентификационной матрице ведет в нашем случае к неадекватному пониманию роли и возможностей России в системе международных отношений» (Киселев, 2000: 251–252).

Каждый из противостоящих политических лагерей – и «коммунисты», и русские «национал-патриоты», и различные «партии власти», и «демократы»–реформисты высказывали свое мнение о происходящем в тесной связи со своими собственными представлениями о сути межэтнических отношений, о национально-государственных интересах новой независимой России в регионе, о ее внешней политике.⁴

Чем же объяснить стремительный переход части интеллектуальной и политической элиты России от патологической коммунистической, воспитанной Сталиным югославофобии к иррациональному «славяно-православному» сербофильству? Ведь не секрет, что многие из нынешних отечественных «православных сербофилов», будучи членами вполне «безбожной» и интернационалистской КПСС и сотрудниками «закрытых» институтов, в 60–80-е гг. писали в ЦК партии справки «для служебного пользования» о «югославском ревизионизме», о том, как в Белграде «плохо относятся» к СССР и выступают против «советской внешней политики», разоблачали «искажения марксистско-ленинского учения» и т.п., в соответствии с несколько смягченным и видоизмененным с конца 40-х – начала 50-х годов XX в., но в основе своей – прежним репертуаром.

Распад СССР объективно означал для русского народа известную утрату своего положения в международном сообществе. В одночасье оказался он и без государства, которое считал своим, с новыми, трудно воспринимаемыми границами, без традиционных союзников и партнеров, лицом к лицу с новыми национальными государствами других народов, которые не забыли нанесенных им в недалеком прошлом обид. Все это не могло не породить у русских чувства оскорблен-

⁴ Здесь необходимо небольшое пояснение. Строгая в научном смысле терминология применительно к событиям конца 80-х – конца 90-х годов XX века еще не установилась. В исторической, политологической, публицистической и мемуарной литературе (как российской, так и зарубежной) встречаются самые различные термины для обозначения одних и тех же политических сил. Или же наоборот, разнородные силы объединяются под одним термином: «демократы», «либералы», «реформаторы», «бюрократия»; «националисты», «державники», «государственники»; «националисты», «национал-либералы», «национал-демократы», «национал-патриоты», «державники»; «коммунисты», «национал-коммунисты», «национал-большевики»; «западники», «евразийцы», «славянофилы» и т.д. Кроме того, из-за отсутствия информации и качественной аналитики зачастую эти термины, многие из которых актуальны исключительно для России, под флагом «обобщения» или «типологизации» необоснованно и некорректно переносятся на бывшие социалистические страны Средней и Юго-Восточной Европы. А это не помогает уяснению сути событий в каждой отдельно взятой стране, но, наоборот, ведет к еще большей путанице и дезориентации. Разработка четких критериев каждого из вышеназванных и других течений – дело будущего, а дискуссия по этим проблемам выходит далеко за рамки нашего исследования.

ности, униженности, национального поражения, одиночества, чувства угрозы национальному существованию. Чтобы преодолеть сложившиеся психологические комплексы и идейные стереотипы, необходимо было новое мировоззрение и мироощущение, новые концепции национальных интересов и национальной безопасности. Перед Россией встала задача обретения нового самоопределения, осознания своих новых и реальных национальных интересов и возможностей в условиях утраты старых и поиска новых союзников на новых основах в новом мире. С другой стороны, над значительной частью российского правящего класса довели и по сей день довлеют традиции и идейно-психологическая инерция, которые тянут к объективно невозможной ныне политике прошлого. И.Ю. Киселев рассматривал самоопределение как элемент психологического процесса «адаптации России и россиян к новым условиям», который еще далеко не завершен (см. Киселев, 2000: 246, 248). (Эти черты, кстати, сближали сознание как правящих «элит», так и значительной части населения России и Сербии.)

«Внешнеполитический курс России на Балканах в начале 90-х гг. испытывал на себе влияние нескольких факторов. Главными из них были роспуск СССР, собственно события на полуострове и новая ситуация в системе международных отношений. Российское руководство взяло курс на сохранение за Россией статуса мировой державы, способной заменить в этом качестве сошедший с международной сцены СССР.» «Югокризис» превратился в элемент внутривнутриполитической борьбы в России (Бонин, 2002: 200–212). Зачастую российская политика «исходила из отождествления дезинтеграционных процессов в двух многонациональных государствах» (Романенко и Улуян, 2001: 280). В результате вышеназванных процессов и явлений влияние России на Балканах уменьшалось, а внутри страны югославский конфликт превратился в мелкую разменную монету в игре между различными политическими силами. К сожалению, демократические партии практически полностью уступили инициативу в выработке внешней политики либо «партии власти», либо коммунистической и псевдопатриотической оппозиции.

«Консенсус» или «расщепление сознания»?

Взгляды А.В. Козырева, одного из видных представителей того направления в российской политике которое окрестили «либеральным» и «западническим» (что совсем не одно и то же!) претерпели известную эволюцию под влиянием политических процессов в России. В то же время, как и у всех современных российских политиков, они не могли не восходить к традиционному советскому мировоззрению и мировосприятию. На сходство подходов «либералов» и «национал-консерваторов» обратили внимание российский аналитик Б.В. Межуев, писавший, что «и евразийство, и альтернативное ему западничество 90-х годов XX века в равной степени апеллировали к культурной идентичности и 'цивилизационному выбору' страны как к основным критериям ее национального интереса». Различие заключалось лишь в том, что представители одной части политического спектра утверждали, что Россия – европейская страна и потому всегда должна следовать в русле общеевропейской политики (подразумевая при этом, что культурная близость Европе предполагает отождествление политических интересов России и Запада).

Еще в 1987 г. М.С. Горбачев в своей вышедшей за границу книге «Перестройка» подчеркнул выбор СССР: «Мы – европейцы». В этом отношении А.В. Козырев был его последователем, хотя также как и он, не до конца выдерживал логику отказа от мышления в «культурно-цивилизационных» категориях.⁵

Представители другого направления (и в этом случае их можно объединить со «славянофилами») не менее категорично заявляли, что она – евразийская страна и, соответственно, «ей следует определять свои внешнеполитические интересы как минимум независимо от европейских держав» (Межуев, 2000: 452–453). При этом очевидно, что никто – даже самые завзятые «евразийцы» всерьез не считали и не считает Россию не-европейской, азиатской страной. Главной их заботой было и остается лишь одно – «боязнь остаться не у дел в европейском (в.м. – С.Р.) раскладе сил» (Межуев, 2000: 455) при всем «противостоянии Европе».

Некоторые политологи посчитали, что в России сложился общенациональный консенсус по отношению к внешней политике России. Однако какова была природа этого консенсуса и его концептуальное содержание? Отмечая совпадение позиций непримиримых противников – Андрея Козырева и Геннадия Зюганова относительно «евразийского» характера российского государства, оценки грядущих перспектив (для обоих неприемлемы и «установление гегемонии США» и «сползание к глобальному хаосу») и «прагматичной» трактовки «национальных интересов», отечественный политолог Борис Межуев пришел к выводу, что в «1994–1995 гг. в среде российских политиков начал постепенно складываться консенсус относительно внешнеполитических приоритетов страны, обусловленный молчаливым отказом полярных политических сил от крайних идеологически мотивированных подходов» (Межуев, 2000: 465).⁶

На возможность распространения и господства идей национализма в посткоммунистический период указывали многие ученые. «С закатом марксистско-ленинской идеологии можно было вполне ожидать возрождения патриотизма», – утверждал американский исследователь Уолтер Лакер (1994: 143). «Раз возникнув, 'русская идея' развивается подчиняясь своей собственной логике, постепенно превращаясь из орудия борьбы со злом внутренним и внешним в инструмент мобилизации против внешнего врага, способствуя возрождению гарнизонной ментальности в 'патриотических' массах. Собственно, зерно этой эволюции содержится в ней изначально – в поиске третьего, специально 'русского' пути между демократией и 'душевым патриотизмом'», – метко замечал еще в конце 80-х годов Александр Янов (1988: 321).⁷ Необходимо заметить, что в сознании значительной

⁵ Напр., см. статьи А. В. Козырева в: *Известия*, 08. 06. 1992; *Независимая газета*, 20. 08. 1992.

⁶ Об эволюции взглядов самого А. В. Козырева, напр., см.: Кандель, 2001: 12. Совпадения некоторых оценок при обсуждении внешнеполитических, в особенности, славянских и балканских проблем встречались у российских либералов и националистов и в конце XIX – начале XX в. (Б.Н. Чичерина и К.Н. Леонтьева). Однако это были лишь внешние совпадения, поскольку в их основе лежали разные идеи (см. Хевролина, 1999: 277).

⁷ Это обстоятельство – уже как практик – отметил А.В. Козырев: «С большевистской прямокой коммунистическую мифологию заменяют на псевдо-патриотическую» (*Известия*, 08. 06. 1992). А замес-

части общества, ориентированных на имперское и советское прошлое «патриотизм» воспринимался как «русский национализм», был и остается его синонимом. Хотя на самом деле это принципиально различные по содержанию и функции понятия.

Рассматривая сходство коммунистической и либеральной идеологий, российский исследователь Елена Левкиевская также отмечает типологическое сходство «советскости» и «западничества» как мифологических моделей. По ее мнению, они «являются почти зеркальным отражением друг друга», поскольку «в основе обоих мифов лежит позитивистская идея прогресса как единственного мерила полноценности того или иного этноса или общества. Оба признают существование двух противоположных общественно-культурных образований России (СССР) и Запада». При этом «неправильная» модель должна исчезнуть, а «правильная» – победить во всем мире (Левкиевская, 2000: 73–74).⁸

На еще одну, весьма важную для нашей проблематики черту сходства сторонников марксизма-ленинизма в СССР и западных теоретиков либерализма (у которых впоследствии многое весьма некритично было заимствовано отечественными реформаторами), обратила трагически погибший ученый-этнолог и видный демократический политик Галина Старовойтова. Она справедливо отмечала, что несмотря на различие подходов, и те и другие «недооценивали национализм как политический и психологический феномен. (...) Представители обоих направлений склонны рассматривать национализм как идеологическое отклонение, или как искусственно внедренное зло». Объясняя успехи национализма, либералы были «более склонны объяснять национализм влиянием диких атавистических сил крови и территории» (Старовойтова, 1999: 19, 20).⁹

титель госсекретаря США С. Тэлботт пишет: «Интеллигенция давно симпатизировала сербам – православным славянам как и большинство русских (хотя, на наш взгляд, эти симпатии – тоже миф! – С.Р.). От марксистско-ленинского интернационализма остались одни лохмотья, и в Россию возвращался панславизм. Равно как и страх перед 'зеленой опасностью' – угрозой ислама для христианства» (Тэлботт, 2003: 90).

⁸ Основными элементами «советской мифологической модели» автор считает представление о России (и Советском Союзе как ее ипостаси) как о мощной сверхдержаве, способной отстаивать свои внешние интересы, социальную защищенность «простого народа», «порядок» обеспечивавший безопасность и стабильность жизни, противостояние с Западом как главным планетарным злом, противостояние двух систем. «Западническая мифологическая модель» основывается на представлениях о «золотом веке» России в светлом будущем, когда «нецивилизованное русское общество» отказавшись от своих «ущербных», «отсталых», «дремучих» традиций примкнет к «цивилизованным» странам, превратившись в неотъемлемую часть западного мира (Левкиевская, 2000: 72–73).

⁹ Заметим, что этнический нигилизм – явление не новое. В жизни Европы после Второй мировой войны феномен «денационализацию», т.е. «отрицание национального начала», отметил еще известный российский философ Федор Степун, высланный в 1922 г. за границу. Признавая, что «оспаривать лживость и грешность национализма и его ответственность за тяжелое и одновременно преступное положение мира явно невозможно», он обоснованно, на наш взгляд, возражал сторонникам этого «отрицания», что это «никому не дает права отрицать положительного значения нации как некоего своеобразно-соборного (естественно, не в смысле современных национал-патриотов – С.Р.) облика многоликой человеческой культуры. Ошибка недостаточно строгого разделения понятий: на-

С другой стороны, отечественный историк Андрей Левандовский отмечает «абсолютно органичное слияние так называемых коммунистов с так называемыми 'патриотами', произошедшее на основе выполненной консервативными кругами интенсивной работы по реанимации старого мифа, со всеми привычными идеалами, постулируемыми ими» (Левандовский, 2000: 155).¹⁰

Опираясь на исследования специалистов, можно очертить круг идей и мифов, составляющих «русскую мифологическую модель», разрабатывавшуюся в 50–80-е годы представителями «русской национальной правой» как в недрах партийного аппарата, так и в оппозиционном подполье. В первый период существования постсоветской России взгляд на ее место в изменившемся мире в национально- и коммунистически-ориентированной среде в наибольшей степени среди прочих определяли следующие концепции: нации-личности как «неотъемлемого Божьего замысла о мире, оправдывающая национальный изоляционизм и стратегию невмешательства в дела человечества»; демократии как исторического извращения, возникшего из великой ошибки Возрождения и ведущего человека в тупик безверия и анархии; двух свобод – внутренней и внешней, – ведущая к противопоставлению свободы нравственной (как исторической цели нации) свободе интеллектуальной и политической; просвещенный авторитаризм как альтернативы, с одной стороны, тоталитаризму, с другой – демократии; трехэлементность современного мира – угрожающий тоталитарный Китай, гибнущий демократический Запад, и силящаяся воскреснуть в просвещенном авторитаризме Россия; новая «жертвенная» элита, воспитанная «не столько в библиотеках, сколько в нравственных испытаниях», призванная в диалоге с вождями и на почве национального возрождения обеспечить продвижение России к спасительному «просвещенному авторитаризму»; Россия как избранный народ, сохраненный богом благодаря жесточайшим испытаниям, ниспосланным на него в ходе истории (сами испытания превращаются, таким образом, в свидетельство избранности); отзвук концепция государственной катастрофы, грозящей России, если советские вожди и «патриотические» массы не сумеют найти общий язык и начать работать вместе; выработка тактических приемов соединения православия с ленинизмом, эксплуатация и реинтерпретация лозунгов советской пропаганды; откровенный антисемитизм; русский фашизм как альтернативная стратегия России.¹¹

Возвращаясь к отечественным проблемам, надо привести и меткое наблюдение Е. Левкиевской, что «'русская идея' – это совокупность рефлексий русского общества о самом себе, весьма отличающихся друг от друга в разные периоды

ция – национализм, а также и личность и индивидуальность, постоянно встречается в острой, резвой часто, но и весьма поверхностной европейской публицистике. Как-то никому не приходит в голову самоочевидная мысль Соловьева, что нация относится к национализму, как личность к эгоизму» (см. Степун, 2000: 941).

¹⁰ Вот эти постулаты: «хозяин» (которого необходимо найти), «порядок» (который нужно восстановить во что бы то ни стало), «особый путь» («Запад» сгнил и влияет на нас тлетворно) и, главное – «попиновение» (разбаловались, управы на вас нет и т.д.).

¹¹ Подробнее об этом см.: Янов, 1988: 200, 235, 307–308. Также см.: Митрохин, 2003; Костырченко, 2003. О типологии национализма на постсоветском пространстве, напр., см.: Дробижина, 2003: 217–244.

истории». К ней относятся и концепция «Москва – третий Рим», идеи византизма и панславизма, официальная триада «православие – самодержавие – народность», и евразийские искания русской философии первой трети XX в. При всем при этом ее неизменная основа была одна – обоснование «особого пути России». К концептуальным порокам «русской идеи» автор относит ее этноцентризм, упрощенную бинарность (борьба так называемых «светлых» и «темных» сил), догму о божественной природе царской власти и идею об «особой сакральной чистоте русского народа», мимикрию под православие (Левкиевская, 2000: 74–75, 79–81). К этому необходимо еще добавить и отождествление этнического и конфессионального самосознания: этноним «русский» и «серб» являются синонимами «супер-этнонима» «славянин» и конфессионима «православный».

К этому нужно добавить и мифы периода «холодной войны», прочно укоренившиеся не только в российском постсоветском, но и в американском политическом сознании. Их наличие признавали не только ученые, но и политик – президент Билл Клинтон. Он говорил: «Сплошной миф. Мы не всегда отдавали себе отчет в том, что делали во время холодной войны» (Тэлботт, 2003: 161).

Весь комплекс идей, свойственный как бывшей «государствообразующей» этнической общности, так и бывшим неполноправным народам, группируется вокруг нескольких достаточно простых мифов, воспринимаемых обыденным массовым (а зачастую, к сожалению, и элитарным – как политическим, так и профессиональным!) сознанием как подтвержденная наукой истина: – об исконности этнической культуры и языка, об этнической преемственности и об автохтонности народа на данной территории; – о максимальной древности и максимальных размерах этнической территории; – об этнической семье (в том числе различные формы панславянской идеологии); – о славных предках; – о заклятом враге; – о народе, выстрадавшем свое право на независимость; – о национально-освободительной борьбе, сбросившей иго имперской зависимости; – о наличии у народа богатой истории борьбы за свою государственность (в том числе и после утраты этой государственности); – о тождественности образования национального (моноэтнического) независимого государства и свободы и демократии; – о тождестве этнической, государственной и экономической общностей; – о тождестве рыночных отношений и демократии; – о конфликтопримиряющей роли рыночных отношений после краха распределительной экономики и др. (напр., см.: Шнирельман, 2000: 22–23; Галенко, 1995).

Все эти идеи, мифы, предрассудки, этнические стереотипы, фобии, филии, иллюзии и иные содержательные и структурные образования, вносимые извне в человеческое сознание, в политической практике, когда количественной и качественно их «критическая масса» начинает определять работу индивидуального и массового сознания, ведут в практической политике к погоне за миражами и химерами, к построению утопий. Слова «духовность», «братство», «славянство» и производные от них превратились в постсоветском политическом лексиконе применительно к Югославии в новые «ключевые» слова. В устах их носителей эти термины подчеркивали положительные черты новой «общности» двух народов. Они заменили в господствовавшие в советской лексике и воздействовавшие на

сознательном и подсознательном уровне (хотя и постепенно утрачивавших свою «силу» с 1985 г.) по отношению к Югославии и «положительные» слова-клише вроде «интернационализма», и этикетированные слова-проклятия – «троцкизм», «фашизм» и «ревизионизм», а в югославской, в основном сербской, применительно к СССР – «сталинизм», «этатизм», «реальный социализм», «панславизм», «империализм», «гегемонизма» и т.д. Иной была и функция новых «символов-клише»: подчеркивались уже не различия, а общность перед лицом «угроз» со стороны «враждебного» внешнего мира, определялась ориентация в новых границах прежнего черно-белого мировоззрения, построенного на упрощенных, хотя и видоизменявшихся с течением времени, дихотомиях – «мы – они», «свои – чужие», «зло – добро», «хорошее – плохое», «старое – новое», «истинное – ложное», «правильное – неправильное», «Восток – Запад» и т.д. Но это вовсе не означало тождественности толкования смысла этих терминов в Москве и Белграде. Общность (или схожесть) терминов не устраняла, а только прикрывала реальные противоречия интересов двух государств, пусть и в сходных на первый взгляд условиях.

Относительно широкое распространение подобных идей обуславливалось несколькими причинами. Во-первых, на рубеже 70–80-х гг. «властям в целом удалось разгромить символ 'западного влияния' в СССР – организованное правозащитное движение». К началу перестройки оно подошло ослабленным. Впоследствии, несмотря на определенное распространение в обществе соответствующих, но быстро улечувившихся настроений, либеральное крыло так и не сумело восстановиться, преодолеть раздробленность и, самое главное, создать сильную политическую организацию и выработать относительно стройную концепцию развития страны. Поэтому в конце 80 – начале 90-х гг. «русская партия» оказалась практически единственной оппозиционной силой. Во-вторых, эта партия с 1982 по 1991 г. сосредоточила свою активность «на захвате и укреплении позиций в литературной среде, несмотря на то, что период перестройки, особенно на раннем этапе, предоставил ее членам уникальные возможности для участия именно в политическом процессе принятия решений». Однако, как показали события 90-х годов, да и начала XXI века, проиграв в тот момент тактически, националисты выиграли стратегически, тщательнее «либералов» разработав свою идеологию и сохранив средства ее пропаганды. Это и позволило и позволяет им с лихвой вернуть утраченные политические позиции. Наконец, дело было еще и в том, что «плоды политической либерализации пожинали не только демократические, но и шовинистические силы, организационно оформлявшиеся тогда в общественные структуры» (см.: Митрохин, 2003: 552, 557; Костырченко, 2003: 699). Эти общие обстоятельства не могли не сказаться на ходе и содержании дебатов относительно внешней политики, относительно позиции по отношению к событиям на постюгославском пространстве.

Обусловленный внутривнутриполитическим раскладом в России «консенсус», воспринимаемый зачастую как вновь обретенное «единомыслие» или «национальная идея», основанная на оживлении элементов советского (или дореволюционного) сознания, вовсе не означал выработку оптимального внешнеполитического курса, в том числе и на постюгославском пространстве. Б.В. Межуев отмечает неестественность такого консенсуса, его «наиболее фундаментальной причиной

стало осознание основными субъектами российской политики реальной скованности страны в ее внешнеполитических маневрах. Россия не могла заявить о себе как о силе, способной нарушить политическое равновесие в мире» (Межуев, 2000: 466). (А как же тогда постоянно декларируемые «исконное миролюбие» и стремление к «стабильности»?) Один из аспектов этой неспособности политолог определил следующим образом: «в настоящее время (1997 г – С.Р.) в Европе, да и в мире в целом – некого взять под свое покровительство после Дейтонских соглашений из-под опеки России и вышли *даже* (в.м. – С.Р.) сербы» (Межуев, 2000: 466). Но ведь «сербы» ни после Первой, ни после Второй мировой войны никогда и не находились, и не считали себя «под опекой» России!

Отношение к событиям на Балканах в рамках отмеченного «консенсуса» скорее отражало общее состояние нашего разрушенного и находившегося на перепутье национального сознания, которому еще только предстояло выработать новое реальное представление о месте и роли России в современном мире. Наличие консенсуса, впрочем, вовсе не означало, что во взглядах представителей различных политических сил нет противоречий. Существовали противоречия и в самом «демократическом» или «либеральном» лагере. Например, одним из первых оппонентов «kozyревской» концепции российской политики с позиции, близкой «неоевразийству» элементами «национальной миссии» позиции, стал тогдашний политический советник президента РФ Сергей Станкевич (Межуев, 2000: 451).

Анализируя эволюцию внешней политики России в 1993–1994 гг., когда «в недрах российской элиты 'тихой сапой' формировалась 'реалистично-патриотическая' оппозиция 'негативному', а потом, как оказалось, 'предательскому' внешнеполитическому курсу на интеграцию в западное сообщество» (Кулагин, 2002), группа отечественных аналитиков отмечала: «более ощутимым стало влияние прагматизма, который строится на приоритете относительно устойчивых, базисных геополитических интересов России, лучшим условием обеспечения которых в сфере международной политики является глубокая демократизация и либерализация политической и экономической системы, доставшейся в наследство от коммунистической тоталитарности. Очевидно, эта позиция сходна с первой в ориентации на демократическую перспективу. Вместе с тем она фокусирует внимание на национальной специфике потребностей России как державы многоэтнической и евроазиатской» (*Этап за глобальным*, 1994: 90–91). Забегая вперед, отметим, что и «демократическое» неоевразийство (или «национал-демократия»), не говоря уже о распространившемся неоевразийстве тоталитарного коммуно-консервативного (если не реваншистского) толка, впоследствии в качестве концепции внешней политики России «работали» и «сработали» не более, а менее эффективно, чем их «западническая» предшественница.

«Именно в противовес козыревскому 'прагматизму' (...) и возникло 'евразийство' как попытка вновь утвердить и защитить некую особую миссию России, ее особое призвание», – писал Б.В. Межуев (2000: 451).¹² По его мнению, следст-

¹² В данном случае Б.В. Межуев под термином «евразийство» объединяет практически все идеологические направления современного русского национализма.

вием «союза между частью русских правых и реставраторами коммунистической империи», а также «превращения части российской политической элиты из сторонников независимой России в интеграторов постсоветского пространства» и «стало воскрешение 'евразийской идеи', выступившей в данном случае аналогом панславизма XIX века» (Межуев, 2000: 448). Эта аналогия, на которой настаивает политолог, оправдана лишь отчасти. Неоевразийство конца XX и панславизм как конца XIX, так и конца XX в. по своим принципам прямо противоречат друг другу, хотя имеют одинаковую цель – сохранение России как империи, и этом смысле играют в политическом сознании одинаковую роль. Однако даже современный «неопанславизм» вовсе не поглощен и не тождественен (к тому же не единому) «неоевразийству» и ведет в рамках национал-патриотического, имперского сознания самостоятельное существование. Сквозь призму внутрироссийских и постсоветских процессов и реалий рассматривали и рассматривают события в Югославии и на постюгославском пространстве и современные неоевразийцы, «панслависты» и «национал-демократы» – события, противоречившие их политическим иллюзиям и этноконфессиональным мифам. С развитием событий в России, как мы видели, увязывал анализ распада СФРЮ и А.В. Козырев, который, однако, предлагал посмотреть на современный мир «открытыми глазами».

Противоречия и отличия различных вариантов российской внешней политики можно было рассматривать и под иным углом зрения. «Оппозиция 'евроатлантистов' с 'евразийцами' – это прежде всего несогласие российских 'моралистов' с 'прагматиками', – писали независимые эксперты (*Этап за глобальным*, 1994: 36).¹³ Эти же специалисты еще в 1994 г. отмечали, что «массы проникаются постепенно духом 'державности'» (*Этап за глобальным*, 1994: 39).

Консервативно настроенная часть населения России и отражающие их интересы и настроения политики, ученые и литераторы обратились в поисках ответов к опыту дореволюционной России. Существенными элементами и внешней политики, и общественных настроений стали пропаганда идеологии и распространение психологии «православной общности» всех славян. Принято считать, что это всегда совпадало с национальными интересами русских и государственными целями России.

Идейные наследники русских националистов XIX – начала XX в. идеализировали дореволюционную Россию, представляя себя продолжателями ее политики, отождествляли прошлое и нынешнее положение и интересы русских и сербов. Рост панславистских настроений проявился в отождествлении славянства и православия, в противопоставлении «славяно-православного» Востока Европы «католическому» Западу и мусульманству в мировом масштабе, неприятию «западных» ценностей.

Идеологи националистического направления намеренно «забывали» об очень сложных отношениях между Санкт-Петербургом и Белградом в течение всего XIX в. Представители же коммунистического лагеря считали, что Россия и в но-

¹³ Характеристику политики «моралистов» см.: *Этап за глобальным*, 1994: 37–39.

вых исторических условиях должна играть на международной арене роль СССР, забывая о том, что именно в период правления в обоих государствах тоталитарно-коммунистических режимов, между ними произошел наиболее глубокий конфликт, последствия которого в национально-политической идеологии и психологии не преодолены до сих пор. Обоим этим направлениям политической мысли свойственно отождествление прошлого и настоящего, отождествление интересов русских и сербов, что свидетельствует о потере ими ориентации во времени и пространстве.

На первый взгляд, позиции этих разных, но близких лагерей несовместимы. Коммунисты поддерживали и поддерживают режим С. Милошевича в Сербии и его политику, хотя еще недавно повторяли содержавшуюся в программе КПСС негативную оценку теории и практики югославских коммунистов. Русские националисты неожиданно прониклись «братской любовью» к народу и стране, о существовании которых еще недавно и не подозревали и старались повернуть российскую политику на поддержку создателя моноэтничного сербского государства в Боснии и Герцеговине Р. Караджича.

Подход отдельных группировок российского политического класса и их отдельных представителей можно рассмотреть и с иной точки зрения. К сожалению, «в России границы между наукой, паранаукой спекуляцией и оккультизмом слишком часто стираются. Это касается в особенности гуманитарных наук. В последнее время тенденция к расплывчатому пониманию науки/научности усиливается благодаря влиянию постмодернизма» (Хагемейстер, 2000: 107–108). К увлечению постмодернизмом части российских либералов нужно прибавить и распространившиеся в традиционно-консервативных кругах националистически-славянофильского и евразийского толка превалирование «внеисторического, субъективного окрашенного подхода к предмету, нуждающемуся как раз во всестороннем, объективном и учитывающем факт культурно-исторической эволюции изучении» (Мыльников, 2000: 7). К этому надо добавить и сходство в принципах функционирования научного знания и мифологем. А это, в свою очередь, создает питательную среду для создания новых, прежде всего наукообразных – политических и исторических – мифов. А этот тип мифов с середины 90-х годов в России стал неотъемлемым инструментом политического манипулирования настроениями населения, на чем, в свою очередь, основываются отечественные «политические технологии».¹⁴ Все это вместе взятое дает представление о том, с какими трудностями пробивает себе дорогу не-идеологизированное и не-мифологизированное научное знание в российской политике.

Противоречивость оценок югославского конфликта в России тесно связана с особенностями современного российского общественного сознания. Коммунисты рассматривали распад Югославии и образование нескольких независимых государств как глобальный передел мира, наступивший вследствие распада СССР и

¹⁴ Об этом подробнее см.: Аймермахер, Бомсдорф и Бордюгов, 2000: 10; Неклюдов, 2000: 37; Топорков, 2000: 47; Левкиевская, 2000: 69, 84–85.

навязываемый «мировым империализмом». Националисты считали этот конфликт глобальной войной, носящей «антирусскую», «антиславянскую» направленность, выдвигая на первый план религиозный конфликт – якобы существующий «заговор» мусульман и католиков против православных.¹⁵ Оба эти течения однозначно, хотя и по разным причинам, считают многонациональную и полиэтничную СФРЮ исключительно сербским национальным и этническим государством, а СРЮ, государство, возникшее уже после распада СФРЮ и состоящее только из Сербии и Черногории, – «жертвой» сепаратизма, с одной стороны, и «мирового заговора» – с другой.

Представления о сути происходившего на территории распавшейся Югославии и о связях и взаимозависимости России и Балкан у «неоевразийцев» и «неопанславистов» конца XX в. были весьма своеобразными. Приведем лишь несколько примеров. Неоевразиец В.Л. Махнач считал «нормальным для России тяготение к культурно родственным ей Балканам и Ближнему Востоку» (Межуев, 2000: 449). «Отмеченную выше аналогию между эволюцией 'национальной идеологии' в прошлом и нынешнем столетиях подтверждает и солидарность российских национал-патриотов (однако 'национал-патриотическое' направление не сводится к одному евразийству! – С.Р.) с православными сербами в их борьбе с мусульманами, вызывающая в памяти поддержку российским обществом антитурецкого восстания в Сербии 1876 г., приведшую к массовому наплыву туда русских добровольцев, а затем к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и дипломатическому противоборству России с державами Европы на Берлинском конгрессе 1878 г.» (Межуев, 2000: 453).

Новый подъем «панславистских» настроений и иллюзий в начале 90-х годов у националистически и прокоммунистически настроенной части общества отметил У. Лакер. «В 1990–1991 гг. наблюдалось некоторое оживление панславизма: славянские фестивали прошли не только в Москве, но и в таких городах, как Рязань и Смоленск создавались культурные фонды и проводились политические конференции с участием иностранных гостей, – пишет он. – Однако эти мероприятия не вызвали большого энтузиазма, возможно из-за общего ощущения, что славянские братья внутри и вне прежнего Советского Союза не проявляют особого интереса к тесным связям с Россией. Организаторы полагали, что со временем могут возникнуть некие общие интересы, если не с правительствами западных славянских стран, то с группами, также отвергающими капитализм, либерализм и западный образ жизни». Эти мероприятия восходили к идеям «русской партии» 60–70х гг., некоторые представители которой еще в советские годы в основном считали «другие славянские народы братьями по духу и общей судьбе. Христианские диссиденты надеялись, что эти чувства взаимны, и что в будущем государстве славяне останутся вместе» (Лакер, 1994: 243–244, 111, 115). Их наследники, депутаты Верховного Совета Сергей Глотов и Олег Румянцев 23 апреля 1993 г. вполне в духе теорий рос-

¹⁵ Как тут не вспомнить хотя бы одно из высказываний В.И. Ленина о том, что «буржуазия... кричит о 'национальном' освобождении славян. (...) Этим затрудняют дело действительного освобождения балканских народов. Этим поддерживается в той или иной мере сохранение помещичьих привилегий, политического бесправия, национального гнета (в.м. – С.Р.)» (см.: Ленин, 1973: 187–188).

сийского ученого второй половины XIX в. Николая Данилевского (см. Данилевский, 1995) предложили «организовать постоянно действующую конференцию духовно близких народов, в рамках этой конференции духовно близких народов подумать о создании какого-то парламентского блока или объединения депутатов различных стран с условным названием 'Славянское единство'». Не знавшие и не понимавшие истории и причин распада «славянской» СФРЮ, а также не делавшие различия между русским самосознанием второй половины XIX и конца XX в., они всерьез полагали, что подобное объединение «способствовало бы решению таких конфликтов» (*Югославский кризис и Россия*, 1993: 291).

В январе 1993 г. коммунистическая газета «Правда» опубликовала обращение оппозиционных политиков «к братьям славянам», которые для оказания помощи Сербии призывают к созданию комитетов помощи, если парламент России отменит санкции (*Югославский кризис и Россия*, 1993: 263, 401–403). Подобные «воззвания» печатались и газетой «Советская Россия», и другими, менее популярными и менее тиражными изданиями.

Небезынтересно посмотреть также на попытки нынешних поклонников советского строя и его внешней политики соединить Иосифа Сталина с Николаем Данилевским (его философские и политические идеи о противостоянии России Европе и объединении всех славянских государств признавались многими современниками, мягко говоря, консервативными и далекими от реальности даже в момент их появления – в конце 60 – начале 70-х гг. XIX в.), иными словами – советское великодержавие и русский этнический национализм, «обойти» конфликт 1948–1953 гг. и взаимоотношения России и Югославии, не потревожив тень «вождя и учителя». Одной из важных причин разногласий было стремление руководства Югославии отстоять свою независимость, притом, что И.В. Сталин стремился, мягко говоря, к единообразию действий всех государств Восточной Европы.

Те же авторы признали, что вследствие того, что политика Йосипа Броза Тито рассматривалась советским руководством «как отступление от принципов марксизма-ленинизма как проявление ревизионизма», Югославия и была вынуждена ориентироваться на «Запад», в частности, заключить экономическое и военное соглашения с США. Именно благодаря этому она и смогла «сохранить свою культурную самобытность, экономическую самостоятельность и политическую независимость» перед лицом, как было показано выше, прямой угрозы советского вторжения (Рыжков и Тетёкин, 2000: 70, 29). Консерваторы-традиционалисты не скрывали и не скрывают своего «инструментального» подхода к судьбе Югославии и ее народов. Изобретя некую «русскую цивилизацию», они утверждают, что «прямая атака на Россию невозможна без создания плацдарма Запада на территории соседних с нашей страной государств». Оказывается, «после Второй мировой войны цивилизационная граница вернулась на свое естественное место, охватывая родственные России славянские народы Польши, Чехии, Словакии, Югославии (sic! – С.Р.) и Болгарии» (Рыжков и Тетёкин, 2000: 30).¹⁶ Хоте-

¹⁶ Ср. с «антропологеографической концепцией» 1892 г. В. И. Ламанского, слависта и профессора академии Российского Генерального штаба. Согласно этой концепции в сферу национальных интересов

лось бы спросить авторов этого «геополитического» и «цивилизационного» открытия: когда «граница» – до создания ялтинско-потсдамской системы – проходила по этой линии? Охватывала ли она Югославию после 1948 г? Относят ли они Югославию (скорее, Сербию) к «русской цивилизации»? Согласны ли на подобное отрицание своей идентичности и индивидуальности «сербы», в том числе предполагаемые «союзники» – сербские националисты? Совершенно очевидно одно: любой из политических деятелей указанных стран, даже самый пророссийский и прокоммунистический, счел бы вышеприведенную формулировку оскорблением своего народа и свидетельством уже упомянутого сталинского «стремления к единообразию действий всех государств Восточной Европы»!

Впрочем, встречаются и прямо противоположные, еще более экзотические взгляды, основанные не только на политико-цивилизационных, но и этно-конфессиональных фантазиях и фобиях. «Необходимо осознавать, что Польша, равно как Словакия, Словения, Хорватия и Чехия, должна рассматриваться не как славянская сестра, а, напротив, как враг, и даже более, как жало врага, которое будет пушено в ход в первую очередь» (Петров, 2001: 135). Вряд ли подобное нуждается в каких-либо комментариях!

К чести президента Б.Н. Ельцина, он не поддержал «славянские» инсинуации. В своем интервью, данном в августе 1994 японской газете «Нихон кэйдзай», перепечатанном также и «Российской газетой» и «Комсомольской правдой», он прямо ответил, что «панславянские идеи, или как вы говорите, идеи славянского союза, остались в прошлом. Да и тогда во внешней политике России они никогда не занимали главенствующих позиций. К данному же конфликту они вообще не имеют никакого отношения. Ведь в Боснии война идет исключительно между славянскими народами».¹⁷

Весь комплекс зачастую взаимоисключающих взглядов является отражением переходного состояния общественного сознания России, когда «более половины опрошенных продолжали считать Россию сверхдержавой и ощущали потребность в 'идеологии', а политическая элита демонстрирует образцы проективности, типичные для прошлого» (Киселев, 2000: 248). Однако, несмотря на «угрозу традиционному месту России в международных отношениях», «как бы ни было ущемлено национальное чувство русских, платить ценою крови за восполнение геополитических потерь общество абсолютно не [было] готово» (*Этап за глобальным*, 1994: 27, 31).

Разделяли некоторые мифологические представления и сами политологи. «Реализация этих (государственных) интересов может потребовать образования

(в данном случае, несмотря на частое стремление В. И. Ламанского к «этнизации» терминологии, он имел в виду государственные интересы) России входили «часть прежних польско-литовских земель Пруссии, часть Силезии, Чехия, Моравия, южная Истрия, часть Каринтии, Крайна, Венгрия (в этом перечне отсутствовала только Хорватия – С.Р.), Румыния, Сербия, Черногория, Босния, Герцеговина, а также Болгария, европейская Турция с Константинополем, приморьем Сирии и Малой Азией с Азиатской Турцией, Кавказ» (см. Сергеев, 2001: 111).

¹⁷ *Комсомольская правда*, 10. 08. 1995.

экономического или военно-политического союза со странами СНГ, а также поддержки традиционных союзников в Европе, таких, как Югославия» (Межуев, 2000: 481). Согласно опросу общественного мнения, опубликованному в июне 1995 г. газетой «Сегодня», «бывшие соцстраны Восточной Европы» союзниками считали 7,3%, причем среди них лидировала с 3,3% Болгария. Сербия (не Югославия! – С.Р.), наряду с Польшей и Венгрией, по-видимому, «набрала» между 2 и 3%. (При этом США союзником назвали 12%, а страны Западной Европы – 9,3%.)¹⁸

Впрочем, все это было типичным явлением среди отечественных политиков, которые, «принципиально» посещая почти исключительно Белград и Пале, воспринимали Югославию как сербское государство, а конфликт предпочитали рассматривать сквозь очки, предложенные режимом С. Милошевича.

Российские коммунисты считали, что Й. Броз Тито «правильно делал», борясь против «национализма» и «сепаратизма», «держал их в узде». Они словно забывают, что именно их кумир И.В. Сталин обвинял Й. Броза Тито именно в «национализме». Националисты проклинали Тито и как этнического хорвата, и как коммуниста. Но и те, и другие выступали за проведение «активной» политики на Балканах в прежнем ее понимании конца XIX – начала XX в. или времен «холодной войны». Они не понимали, что Сербия (или Югославия) обречена быть оппонентом России в силу своего геостратегического положения и различия интересов двух государств. В случае прихода к власти в Москве и Белграде сил, проводящих активную внешнюю политику, основанную на великодержавии и этническом национализме, конфликт становился бы неизбежным.

Все основные направления политической и общественной мысли в России рассматривали и рассматривают нынешнюю и бывшую Югославию как мини-«модель» СССР, как «полигон» для отработки политики Запада по отношению к странам и народам бывшего СССР, отождествляя Словению и Хорватию, словенцев и хорватов с республиками и народами Балтии, с Украиной и украинцами. А Россию и русских – с Сербией и сербами. Ошибка у всех этих групп и их идеологов одна и та же, но ее причины различны. Если у одних преобладает тяга к национальному или коммунистическому мифу, то у других – стремление свести все историческое и национальное своеобразие к упрощенным социологическим, политологическим и «геополитическим» схемам. Ими абсолютизируются отличительные черты посткоммунистической стадии развития стран Восточной и Юго-Восточной Европы, совпадение политической ситуации, но при этом упускаются обусловленные историческим, этническим, региональным развитием особенности. За всем этим кроется отсутствие в нашем сознании реального чувства истории. Все это, в конце концов, ведет к потере правильной ориентации, к искаженному представлению о месте, роли и возможностях народов, населяющих Россию, и России как государства.

Распад СССР и его последствия привели к краху социального и национального сознания граждан России и в особенности русских. Наше сознание, утратив

¹⁸ *Сегодня*, 09. 06. 1995.

социальную и государственную составляющие, оказалось деформированным. В нем оказалось нарушенным соотношение его форм и их функций. Причем особая тяжесть выпала на долю национального исторического сознания, часто воспринимаемого только как этноисторическое. Оно, во-первых, было деформировано предыдущим развитием Российского, а затем и Советского государства. Во-вторых, оно по своей природе и сути не может выполнять функции идеологии.

Часть населения произвольно выбирает в прошлом объект – период в истории или народ – достойный как подражания и обожания, и начинает его абсолютизировать, метафизически вырывая из исторического, географического и культурного контекстов. Одни выбирают себе Российскую империю, другие СССР, но и там, особенно в истории России – периоды, в основном связанные с сильным правителем, не ограниченным законом или иными элементами политической системы. «Народ» же (в традиции германской философии XVIII – начала XIX в.) наделяется некими неизменными вечными чертами, качествами и интересами, ему отказывают в развитии. Широкое распространение получил сейчас так называемый «цивилизационный подход», неправомерно отождествляющий такие принципиально разные, хотя и взаимосвязанные явления и понятия, как национальное и региональное самосознание, конфессиональная принадлежность, культура и цивилизация (Хантингтон, 1997; Hantington, 1997: 327–350). Стремясь к воссозданию «величия» своего этноса и его государства, носители этой идеи добиваются прямо противоположного результата, независимо от того, под каким знаменем они выступают – славяно-православным, панъевропейским или панисламским.

При этом для большого числа русских новой основой – хотя часто и формально – стала православная религия, а история своего этноса и государства стала отождествляться с этногенезом, что характерно для сознания, восходящего к архаичным формам. Отсюда и распространенность архаичных форм «пансознания» – «суперэтнического» общеславянского и религиозного, причем славянская полиэтничная общность часто совершенно неоправданно отождествляется с православной (напр., см. *Русско-славянская цивилизация*, 1998).

Можно ли «отменить» национальное самоопределение?

От наследия прошлого не смогло освободиться не только обыденное массовое, но и профессиональное (гуманитарное) научное сознание, не говоря уже о политическом. Очень часто приходится сталкиваться с исторически некорректными схемами, «моделями», историческими параллелями и аналогиями, упрощенно понимаемой «циклическостью», пришедшей на смену «формационной теории».¹⁹ На смену «марксизму-ленинизму» с его претензиями на универсальность приходят по-

¹⁹ Сомнения вызывают, например, попытки объяснить некоторые явления в идейно-психологическом развитии современной России простыми сопоставлениями истории страны конца XIX – XX в. и конца XX – начала XXI в. Хотя совершенно очевидно, что после восстановления в России свободной игры политических сил и отмены цензуры были совершенно неизбежны попытки использовать «старое наследие» для решения новых исторических задач (подробнее, напр., см.: Межуев, 2000: 454).

иски новых «отмычек», пригодных решать «все проблемы всех времен и всех народов». Широко распространились такие приемы, как перенос в социальные и гуманитарные науки логики, понятий, методов и приемов из естественных и технических наук.

Характерное для представителей либерального и демократического лагерей в политике относится отрицание этнонационализма, зачастую ведет к этническому нигилизму – непризнанию объективного существования этнических общностей как особого типа общностей, имеющих свою собственную логику возникновения и развития, отличную от общностей социальных, и представлению о том, что экономическое развитие на рыночных основаниях «само собой» устранил межэтническую напряженность. Особо досталось национальному самоопределению. «Право народов на самоопределение» в том виде, как оно чаще всего трактуется, – опасная и антиправовая максима. Требуется резко ограничить область, охватываемую понятием 'самоопределение', прояснить совершенно неясный вопрос о субъектах этого права, найти ему определенное и достаточно скромное место в обновленном международном праве», – считает известный правозащитник Сергей Ковалев (2000: 213). Действительно, сферу применения этого правового принципа и политического лозунга необходимо сузить, чтобы не дать возможности радикальным и экстремистским силам, готовым спровоцировать вооруженный конфликт. Равно как и уточнить понятие субъекта этого права (если это будет возможно, учитывая объективные различия между регионами, государствами и народами). Но остановить национальное самоопределение как этно-исторический процесс невозможно. Это было бы равносильно предложению вообще отменить историческое развитие. Кроме того, в многонациональных государствах национальное самоопределение есть необходимый элемент демократизации и общедемократического сознания. Поэтому в условиях СССР и постсоветской России отрицание его объективно превращается в свою антидемократическую противоположность.

С другой стороны, вряд ли можно абсолютизировать принцип этнического самоопределения. Подобная абсолютизация была свойственна, например, одной из выдающихся представительниц демократического движения в СССР и РФ Г.В. Старовойтовой, которая, заметим, относилась к СФРЮ, так же как и СССР, к унитарным, а не федеративным государствам. Анализируя возможные критерии национального самоопределения, она отмечала, что эта проблема «окружена неопределенностью и путницей». Основными критериями законности самоопределения исследовательница предлагала считать «невыносимость существования» народа в составе существующего многонационального государства, «историческое право», этнический состав населения, народное волеизъявление и ответственность за последствия. Поскольку полемика о сути данных критериев выходит далеко за рамки данного исследования, отметим лишь, что историческое право в конце XX – начале XXI века вряд ли может рассматриваться как реальный правовой аргумент. Что же касается однородности этнического состава населения, то Г. Старовойтова считала его «лучшей предпосылкой для формирования нового, более стабильного государственного образования, чем самоопределение многонационального сообщества». С этим также вряд ли можно согласиться, особенно имея в виду «от-

ветственность за последствия»: по сути дела лозунгом национального самоопределения в подобной трактовке могут воспользоваться и силы, выступающие за создание «этнически чистых государств», политики, прямо противоположные демократическим устремлениям. Ссылка же Г. Старовойтовой на планы Вэнса-Оуэна и Оуэна-Столтенберга по разрешению кризиса в Боснии и Герцеговине не может служить доказательством правоты ее тезиса, поскольку это были вынужденные военно-политическими обстоятельствами проекты временных решений.²⁰

Суть происходящих процессов и их внутренняя противоречивость заключается в том, что, как отметил известный российский ученый-правовед Сергей Алексеев, «многие ныне действующие международно-правовые нормы и процедуры, само их понимание – продукт прошлого (теперь уже позапрошлого – С.Р.) века; к тому же оно отражает принцип 'абсолютного суверенитета', порядки стран с авторитарной властью, позволявшие под прикрытием указанного принципа творить в своей стране что угодно» (Алексеев, 2000: 165). Поэтому и происходит объективно обусловленное столкновение принципов: национального самоопределения, абсолютного суверенитета (невмешательства во внутренние дела), нерушимости границ и прав человека.

Выше уже отмечалось, что широкое распространение получил «этнический нигилизм». С другой стороны, имела и имеет место абсолютизация этнических процессов, основанная на представлении о неизменности как внутренней сущности и характера этноса, так и его интересов. Но это, как мы видели на опыте той же Югославии, да и на нашем собственном, также ведет к антидемократизму и конфликтам, только с иной стороны. Этнический нигилизм тесно соседствует с «либеральным империализмом». Эта концепция, по крайней мере, в российском варианте, основана на непонимании исторической закономерности возникновения национальных движений всех народов многонационального государства (империи), по своей природе стремящихся к национальному самоопределению в форме полного государственного суверенитета. С другой стороны, она парадоксальным образом в значительной своей части является синонимом русского этнического национализма.

Этнический нигилизм широко распространен и в научном, и в обыденном политическом сознании. Эти процессы часто рассматриваются либо как детерминированные экономикой, либо – как результат заговора и интриг. Тем самым отрицается объективная данность этнических общностей и протекающих в них с течением времени процессов. Широко распространено увязывание межэтнических конфликтов с низким уровнем жизни. Сам естественный процесс национального самоопределения рассматривается с точки зрения экономической целесообразности. Но этнические процессы имеют свои законы и динамику, далеко не всегда совпадающие с законами и динамикой экономического развития, часто им даже противоречащие.

²⁰ Подробнее о концепции национального самоопределения Г.В. Старовойтовой см.: Старовойтова, 1999: 112–119.

Выше уже отмечалась склонность части ученых, экспертов и политиков к «инструментализированному» восприятию национализма и далеко не всегда обоснованным и оправданным сопоставлениям, когда за деревьями обобщений не видят леса национальных, региональных и исторических особенностей. Кроме того, не оправдывает себя «перенос» западноевропейских или американских концепций, возникших в совершенно иных условиях и государствах, базирующихся на ином опыте, иных традициях – на СССР и Россию, на СФРЮ и СРЮ – федеративные, многонациональные, полиэтничные и поликонфессиональные государства.

В результате вместо реального знания возникли и продолжают возникать новые наукообразные мифы, которые через средства массовой информации широко распространяются в российском обществе, лишая его рациональной и реалистической оценки своего места, интересов и возможностей на новом этапе развития процесса национального самоопределения.²¹

Российское историческое сознание психологически оказалось не готовым принять, переварить и рационально осмыслить поступающий материал, материал, содержащий негативную информацию о нашем прошлом. В результате произошло неизбежное отторжение, и на политическую сцену вышла масса малообразованных людей, начавших через средства массовой информации распространять в обществе свои собственные предрассудки, фобии и филии, навязывать другим людям свое собственное невежество и с гордостью демонстрировать темные углы и закоулки своего сознания. Увы! Мы не знали и по сию пору не знаем общества, в котором живем. Следовательно, мы по-прежнему живем в закрытом обществе, не только вовне, но и изнутри, закрытом для нас самих. Согласно опубликованным данным, манипуляции историческим сознанием продолжают являться. В этом смысле мы не только не ушли от закрытого общества, но использование этого приема свидетельствует о его возрождении.

Как тут не вспомнить слова русского народника Петра Лаврова о том, что «вся эта игра фразами 'историческое развитие, историческая задача русского народа' есть не более, как ребяческие упражнения в риторике наших доморощенных публицистов, вспоминающих свои старые учебники по истории и напоминающих своим задорным и комически-величавым политиканством басню об осле в львиной шкуре!» (Лавров, 1994: 233–234).²²

Известный российский публицист Отто Лацис писал в газете «Известия», что мы еще оказались не готовы посмотреть в глаза собственной истории и оценить ее без прикрас.²³ Без обыденной и наукообразной мифологизации, добавим от себя. Одна из самых массовых газет современной России, «Московский комсомолец», летом 1996 г. опубликовала результаты социологического опроса «В какой

²¹ О сходных процессах в самосознании общества в постюгославских государствах см.: Романенко, 2000.

²² Лавров имеет в виду басню русского писателя В.К. Тредиаковского «Осел в львиной шкуре» (1752). Сюжет ее таков: для устрашения окружающих осел надел львиную шкуру, но его выдавали уши, и его все равно били.

²³ См.: *Известия*, 03. 10. 1996.

мере вы гордитесь какими сторонами жизни России?». 75% респондентов заявили, что гордятся российской историей, то есть прошлым в противовес настоящему. Зададимся, однако, вопросом: чем гордятся эти люди? Какой историей они гордятся – реальной или вымышленной? Насколько хорошо они ее знают? К какой национальности принадлежат респонденты, и были ли выявлены особенности отношения к истории России (или СССР) у граждан нерусской национальности?²⁴ Отсутствие самой постановки такого вопроса свидетельствует об искаженном восприятии этнических процессов русским и российским сознанием и неадекватном представлении и современных экономических, политических и иных процессах и роли и месте в них России.

Со второй половины 90-х годов наблюдается парадоксальная картина: в процессе модернизации и в какой-то степени для ее обоснования возрождается по сути или используется по форме этноплеменное и конфессиональное сознание, свойственное средневековью. Более того, возвращение сознания в прошлое используется в качестве одного из рычагов развития в экономике. «Этнонациональная модель» экономики – обоснование места России на мировом рынке, национализм (этнический или государственный) в данном случае отражает требования нового социума, этноса и государства на мировом рынке и в мировом политическом сообществе. В момент, когда необходимо сотрудничество с другими государствами и народами, возрождается именно конфронтационный, конфликтный тип сознания, который служит обоснованием реинтеграционных процессов. При этом часто происходит совершенно неоправданное отождествление племени и этноса с цивилизационной, культурной, конфессиональной и политической общностями, что прямо ведет к требованию совпадения государственных границ с этно-цивилизационными, что, в свою очередь, рассматривается как обретенная «справедливость».

Отношение значительной части российского населения и политического класса к событиям на постюгославском пространстве в 90-е годы XX века, помимо прочего, являются прекрасной иллюстрацией парадокса постсоветского сознания, отмеченного исследователями. «Демократия, плюрализм, свобода слова создают возможность дискуссий и тем самым разрушают тоталитарную мифологию. Однако процесс демифологизации парадоксальным образом привел к новому всплеску мифотворчества, ибо привел в движение самые разные слои общества и предоставил возможность самовыражения представителям самых разных идейных течений. В условиях паралича власти и роста социальных антагонизмов это привело к формированию чрезвычайно опасных тенденций, главная из которых – возможность повторного возвращения тоталитаризма», – прозорливо замечает российский исследователь Андрей Топорков (2000: 62; также см. Романенко, 1997).

Все мифы и стереотипы, фобии и филии, сложившиеся в нашем не только научном, но и общественном – национальном историческом сознании, к сожалению, в значительной степени легли в основу оценки событий на Балканах нынеш-

²⁴ См.: *Московский комсомолец*, 06. 10. 1996.

ним российским политическим истеблишментом. К ним добавились еще и многочисленные предрассудки и стереотипы, доставшиеся нам в наследство от Российской империи и СССР, а также модные ныне общие политологические и социологические схемы и исторические аналогии, которые, как показывает практика, часто оказываются очень далекими от конкретной исторической и политической реальности (см.: *Этнополитические конфликты на территории СНГ*, 1996: 78–106; Romanenko, 1994: 41–60).²⁵

ЛИТЕРАТУРА

АЙМЕРМАХЕР, К., БОМСДОРФ, Ф. и БОРДЮГОВ, Г. (2000). «Введение», в: *Мифы и мифология в современной России* (под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова). Москва: Фонд Фридриха Науманна, с. 9–16.

АЛЕКСЕЕВ, С. (2000). «События в Югославии и вопросы права», *Индекс/Досье на цензуру*, № 9, с. 164–168.

БОНИН, П. (2002). «Последние резервы мнимой великой державы. Российская политика на Балканах в 90-е годы», в: *Внешняя политика России: от Ельцина до Путина*. Перевод с немецкого. Киев: Оптима, с. 200–212.

ГАЛЕНКО, В. (1995). «Нужны новые формы покровительства этническим россиянам», *Независимая газета*, 11. 11.

ДАНИЛЕВСКИЙ, Н. Я. (1995). *Россия и Европа*. Изд. 6-е. Санкт-Петербург: Глагол.

ДРОБИЖЕВА, Л. М. (2003). *Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России*. Москва: Центр общечеловеческих ценностей.

КАНДЕЛЬ, П. (2001). «Российские национально-государственные интересы и заурядные отечественные парадоксы», *Pro et Contra*, том 6, № 4, с. 7–22.

КИСЕЛЕВ, И. (2000). «Психологические аспекты адаптации России и россиян к новым реальностям меняющегося мира», в: *Миропорядок после балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. Материалы конференции. Москва, 1–2 ноября 1999 г.* (гл. ред. А. Кулик). Москва: Добросвет, с. 246–274.

КОВАЛЕВ, С. (2000). «Размышления о Косово-99: Косово, Чечня. Что дальше?», в: *Миропорядок после балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. Материалы конференции. Москва, 1–2 ноября 1999 г.* (гл. ред. А. Кулик). Москва: Добросвет, с. 207–221.

КОСТЫРЧЕНКО, Г. В. (2003). *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*. Москва: Международные отношения.

КУЛАГИН, В. (2002). «Восстание ягнят. В российской внешней политике сложилось 'двоевластие'», *Общая газета*, 21–27. 03.

ЛАВРОВ, П. Л. (1994). «Славянский вопрос», в: *В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков. Часть I*. Москва: Наука, с. 233–235.

ЛАКЕР, У. (1994). *Черная сотня. Истоки русского фашизма*. Washington: Problems of Eastern Europe.

²⁵ Также см.: *Сегодня*, 15. 09. 1995.

- ЛЕВАНДОВСКИЙ, А. (2000). «Миф как средство легитимации власти в России», в: *Мифы и мифология в современной России* (под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова). Москва: Фонд Фридриха Науманна, с. 129–167.
- ЛЕВКИЕВСКАЯ, Е. (2000). «Русская идея в контексте исторических мифологических моделей и механизмы их сакрализации», в: *Мифы и мифология в современной России* (под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова). Москва: Фонд Фридриха Науманна, с. 67–91.
- ЛЕНИН, В. И. (1973). *Полн. собр. соч.* Т. 22. Москва: Издательство политической литературы.
- МЕЖУЕВ, Б. В. (2000). «Понятие 'национальный интерес' в российской общественно-политической мысли», в: *Политическая наука в России. Интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматия* (отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский). Москва: МОНФ, с. 441–488.
- МИТРОХИН, Н. (2003). *Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985*. Москва: Новое литературное обозрение.
- МЫЛЬНИКОВ, А. С. (2000). *Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII в.* 2-е издание. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- НЕКЛЮДОВ, С. (2000). «Структура и функции мифа», в: *Мифы и мифология в современной России* (под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова). Москва: Фонд Фридриха Науманна, с. 17–38.
- НИКИФОРОВ, К. В. (1999). *Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап)*. Москва: Институт славяноведения.
- ПЕТРОВ, В. (2001). *Россия в XXI веке. Пути возрождения*. Москва.
- ROMANENKO, S. (1994). «The Yugoslav question in the Foreign Policy of Russia at the Beginning of the Twentieth Century», в: *The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia* (ред. S. F. Starr). Volume I: *The International Politics of Eurasia* (ред. K. Dawisha и V. Parrot). Armonk, N. Y. – London, England: M. E. Sharpe, с. 41–60.
- РОМАНЕНКО, С. А. (1997). *История и историки в межэтнических конфликтах в конце XX века. Почему возрождается сознание «закрытого общества»*. Москва: Институт «Открытое общество».
- РОМАНЕНКО, С. А. (2000). *Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.* Москва: Московский общественный научный фонд.
- РОМАНЕНКО, С. и УЛУНЯН, Ар. (2001). «Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла», *Pro et Contra*, том 6, № 4, с. 46–58.
- Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности* (составитель Е. Троицкий) (1998). Москва.
- РЫЖКОВ, Н. И. и ТЕТЁКИН, В. Н. (2000). *Югославская Голгофа*. Москва: Фонд содействия развитию социальных и политических наук.
- СЕРГЕЕВ, Е. Ю. (2001). «Иная земля, иное небо...». *Запад и военная элита России 1900–1914*. Москва: Институт всеобщей истории.
- СТАРОВОЙТОВА, Г. В. (1999). *Национальное самоопределение. Подходы и изучение случаев*. Санкт-Петербург.
- СТЕПУН, Ф. А. (2000). *Сочинения*. Москва: РОССПЭН.
- ТОМАС, Z. (1993). *The Struggle for the Croatian State: through hell to democracy*. Zagreb: Profikon.

- ТОПОРКОВ, А. (2000). «Миф: традиция и психология восприятия», в: *Мифы и мифология в современной России* (под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова). Москва: Фонд Фридриха Науманна, с. 39–66.
- ТЭЛБОТТ, С. (2003). *Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии*. Москва: Городец.
- ХАГЕМЕЙСТЕР, М. (2000). «Миф о заговоре против России», в: *Мифы и мифология в современной России* (под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова). Москва: Фонд Фридриха Науманна, с. 92–111.
- ХАНТИНГТОН, С. (1997). «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка» (отрывки из книги), *Pro et Contra*, том 2, № 2, с. 114–154.
- HANTINGTON, S. (1997). «Sudar civilizacija», в: *Nacionalne manjine u međunarodnom i jugoslovenskom pravnom poretku*. Beograd: Međunarodna politika, с. 327–350.
- ХЕВРОЛИНА, В. М. (1999). *Власть и общество 1878–1894 гг.* Москва: ИРИ РАН.
- ШНИРЕЛЬМАН, В. (2000). «Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика», в: *Реальность этнических мифов*. Москва: Гендальф, с. 12–33.
- Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России*. 2-е изд., испр. и доп. (отв. ред. А. Д. Богатуров) (1994). Москва: Российский научный фонд.
- Этнополитические конфликты на территории СНГ* (1996). Москва, с. 78–106.
- Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990–1993)* (1993). Москва: Славянская летопись.
- ЯНОВ, А. Л. (1988). *Русская идея и 2000 год*. New York: Liberty Publishing House.

Sergej Romanenko

»ŠTO ZNAČI TEBI IME MOJE?« NEZAVISNA RUSIJA I RASPAD JUGOSLAVIJE

SAŽETAK

Stvaranje nove ruske etničke i državno-nacionalne (samo)svijesti općenito, a posebice u vanjskoj politici devedesetih godina 20. stoljeća, vrlo je proturječan proces. Analizirajući idejne i psihološke osnove vanjske politike Ruske Federacije u prvim godinama njezina postojanja kao nezavisne i suverene države, autor je obrazložio međuovisnost te politike i unutarnjopolitičke borbe. Nadalje, objašnjava vezu između tradicionalne komponente ruske i sovjetske svijesti, slavenske ideje, i procesa nacionalnoga (građanskog i etničkog) samoodređenja. U 19. i 20. stoljeću »slavensko pitanje« neotuđiv je element koncepcije »posebnog razvitka« Rusije. Krajem 20. stoljeća »slavensku ideju« iskorištavaju i ruski komunisti radi uspostave »velikog Sovjetskog Saveza«. S druge strane, ruski nacionalisti naslijedili su staljinističke mitove iz doba hladnog rata. Ruski liberali i reformatorske snage nisu uspjeli ponuditi ruskom društvu, pa stoga ni ostvariti, novi teorijski utemeljen koncept vanjske politike. Ruski reformatori, komunisti i nacionalisti, analizirali su događaje na prostoru bivše Jugoslavije te predlagali moguća rješenja krize i oblike političke djelatnosti Rusije oslanjajući se na mitove, iluzije, predrasude, etničke i političke stereotipe, a ne na istinsko znanje i razumijevanje.

KLJUČNE RIJEČI: Ruska Federacija, Jugoslavija, vanjska politika, nacionalna (samo)svijest, mit, slavenska ideja

Sergei Romanenko

“WHAT MEANS FOR YOU MY SIMPLE NAME?” INDEPENDENT RUSSIA
AND THE DISINTEGRATION OF YUGOSLAVIA

SUMMARY

Emergence of a new Russian ethnic and national self-consciousness in general and foreign policy in particular was a very contradictory process in 1990s. The author analyses both the theoretical and the psychological basis of the Russian Federation's foreign policy in the first period of the country's existence as an independent sovereign state. First he deals with its connection with the internal political struggle; second, he explains the connection between the traditional components of Russian and Soviet consciousness – the Slavic Idea and the process of national (civil and ethnic) self-determination. The Slavic question in the 19–20th centuries was an integral part of the conception of so-called “special development” of both Russia and the USSR. In order to restore “the Great Soviet Union” Russian communists exploited this conception at the end of the 20th century. On the other hand, Russian nationalists inherited Stalin's mythology from the Cold war period. Russian liberals and reformers did not succeed in formulating a new well-grounded conception, or in consistently implementing it. Hence, reformers, communists and nationalists analysed events in post-Yugoslav area and offered possible solutions and plans for Russia's political activities, based mainly on myths, stereotypes, illusions, ethnic and political prejudices, but not on real knowledge and understanding.

KEY WORDS: the Russian Federation, Yugoslavia, foreign policy, national self-consciousness, myth, the Slavic Idea